

УДК 821.161.1.09-3

**СУДЬБА ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В ПОВЕСТИ
В. Н. ЦЕХОВСКОЙ (О. ОЛЬНЕМ) «ДИНАСТИЯ»**

Т. С. Мясникова

Тверской государственный медицинский университет
кафедра иностранных и латинского языков

Статья посвящена анализу образа дворянской усадьбы в повести В. Н. Цеховской (Ольнем) «Династия». В статье рассматриваются особенности описания усадьбы и те представления о дворянстве и причинах его вырождения, которые характерны для творчества писательницы.

Ключевые слова: дворянская усадьба, дом, семья, В. Цеховская (О. Ольнем).

Невозможно представить себе русскую культуру без одного из ключевых ее символов – дворянской усадьбы. Усадьба – это «отдельное поселение, архитектурно-парковый ансамбль, включавший комплекс жилых, хозяйственных и иных построек, составляющих единое целое. В XVII – начале XX в. усадьба – владения русских дворян и зажиточных представителей других сословий» [5, с. 339].

Будучи одним из центральных символов русской культуры, дворянская усадьба не могла не войти и в литературу. В русской литературе прослеживается традиция изображения усадьбы, одним из родоначальников которой является Г. Р. Державин. В своих произведениях он обращается к усадебному миру, художественно осмысляя его. Усадьба в произведениях Г. Р. Державина – гармоничная, колоритная, детализированная обыденность («Похвала сельской жизни», 1798; «Евгению. Жизнь Званская», 1807). Усадьба, изображенная А. С. Пушкиным в романе в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831), «есть подлинный “архетип” русской дворянской усадьбы, ее эталон для всей последующей русской литературы XIX в.» [3, с. 86].

После крестьянской реформы 1861 года жизнь усадьбы меняется коренным образом. Отмена крепостного права стала началом конца дворянской усадьбы. Пришло время других социально-экономических отношений, к которым дворяне не сумели приспособиться. Старый уклад усадебной жизни оказывается невозможным, в усадьбе воцаряются хаос и упадок, и она постепенно становится символом навсегда утраченного безмятежного счастья и гармонии.

Вместе с изменениями в обществе трансформируется и образ усадьбы в литературе. Произведения писателей второй половины XIX в. полны грусти, тоски по утраченному счастью, потерянному раю, что является центральным признаком «усадебного текста» (В. Г. Шукин). Яркие примеры подобных текстов – произведения И. С. Тургенева (повести «Три портрета», 1846, «Дневник лишнего человека», 1849 и др.; романы «Рудин», 1856, «Дворянское гнездо», 1859, «Накануне», 1860). Вместе с усадебной прозой в русской литературе появляется и «усадебная поэзия» (Т. М. Жаплова, М. В. Строганов), среди авторов – К. Н. Батюшков, И. И. Панаев, Н. П. Огарев, А. А. Фет, А. К. Толстой. Русская литература запечатлела историю дворянской усадьбы на всем ее протяжении: от расцвета до самых последних, трагичных, страшных страниц.

Тема разрушающихся «дворянских гнезд», символизирующих неминуемый конец целой исторической эпохи, стала одной из магистральных в русской литературе конца XIX – начала XX вв., когда наблюдалось огромное разнообразие всевозможных литературных течений и направлений.

Наряду с писателями-мужчинами в конце XIX – начале XX в. создают свои произведения и писательницы-женщины. Данное исследование посвящено анализу изображения усадьбы в повести Варвары Николаевны Цеховской (писавшей под псевдонимом О. Ольнем) «Династия». Впервые повесть «Династия» была опубликована в журнале «Русское богатство» (1910. № 4–6).

В центре повести «Династия» – дворянская семья Неповоевых. Действие происходит в старинной родовой усадьбе, на территории которой есть и «неказистый» дедовский дом, и отцовский дом, где «все подновлено, благоустроено», есть и новый «не то дом, не то замок», построенный Арсением Алексеевичем Неповоевым. В.Н. Цеховская (О. Ольнем), чтобы точнее раскрыть образ каждого из героев, использует прием, при котором дом характеризует своего хозяина, что часто можно наблюдать в литературной традиции XIX в., – достаточно вспомнить роман А.С. Пушкина «Дубровский» (1833), в котором усадьба прекрасно дополняет портрет помещика-хозяина, или поэму Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842), где представлена целая галерея помещиков-крепостников и каждая из усадеб также характеризует своего владельца. В повести «Династия», исследуя жизнь одной дворянской семьи, писательница проводит глубокий комплексный анализ внутренних, скрытых причин, которые приводят к катастрофе, к гибели не только семью Неповоевых, но и множества других дворянских семей.

В повести В.Н. Цеховской перед читателем предстает галерея мужских и женских образов представителей одной дворянской семьи, одной династии. Женские образы особенно интересны в контексте такой важной не только в литературе, но и в общечеловеческом смысле темы, как дом. Дворянская усадьба, дом вообще немислим без женщины. Женщина является хранительницей семейного очага, кроме того, именно женщина, ее положение, ее самоощущение определяет счастье или несчастье не только ее личное, но и всей семьи.

Арсений Алексеевич Неповоев – деловой человек, он умело распоряжается именем. Он единственный из семьи, в отличие от своих братьев Вадима и Павла, удачно женился, по словам дяди, Валерьяна Мстиславовича: «Взял девушку из хорошей фамилии. С большими средствами... Красавицу» [6, с. 393]. У Арсения Алексеевича растет двое сыновей – Мстислав и Игорь.

Автор привносит в повествование холодную объективность страдания Ксении Викторовны – жены Арсения Алексеевича, человека сурового и деспотичного, считающегося лишь со своими взглядами и устремлениями. Фактически он несет своей жене моральные и физические страдания, медленно убивая ее. Боль, душевная и физическая, окрашивает всю жизнь героини, создает гнетущую атмосферу, настроение безысходности и предчувствие неминуемой гибели, которую предсказывает Ксении Викторовне цыганка: «Кто тебя любит, тот мучит. От него – твои слезы. От него и погибель твоя» [Там же, с. 412]. Писательница мастерски передает душевное состояние героини. Поскольку муж ее патологически ревнив, чтобы не провоцировать бесконечные скандалы, Ксения Викторовна закрывается от мира, погружается в себя только для того, чтобы муж в чем-то не заподозрил ее. Закрытость героини проявляется в поведении, в одежде: «На ней было белое, вышитое белым по тюлю платье на глухом, тоже белом чехле, доходящем до кистей рук и до самой шеи». Она стесняется того, чем, казалось бы, должна гордиться любая жен-

щина, – красоты и женственности. Вместо этого она «сама застенчиво тяготилась впечатлением, которое производила ее внешность» [Там же, с. 402].

В. Н. Цеховская ужасающе подробно изображает несчастную жизнь женщины, у которой есть всё для счастья: редкая красота, достаток, семья – двое детей и «любящий» муж. При внешнем благополучии она крайне несчастна. Писательница поднимает важный вопрос об одиночестве в семье, о разрушительной «больной» любви, о патологической ревности мужчины, мужа, влекущей за собой жестокость в отношении самых близких людей – жены и детей. Их «выломанные души», тяжелые душевные переживания, страдания, нехватка любви приводят к катастрофе, превращаются в страдания физические. Усиливают трагизм, безысходность аисты, которые несколько раз упоминаются в повести. Аист, как известно, является исключительно позитивным символом у большинства народов Европы, Азии, Америки и Австралии. Аист – это предвестник весны, образ его связан с началом любой новой жизни, он является символом семейного счастья. Ксения Викторовна мечтает о гармонии и спокойствии, о возможности общаться с детьми, но в глубине души понимает, что мечтам ее не суждено сбыться. «Я боюсь. Как представлю, что никогда не увижу Гори. Не увижу аистов весною. Не услышу музыки, шума деревьев» [Там же, с. 455]. Всему, что можно объединить под словом счастье, не суждено случиться в такой внешне благополучной жизни Ксении Викторовны.

Арсений Алексеевич не может справиться со смертью жены, с начавшейся болезнью сына, не может заснуть без впрыскивания морфия, что говорит о его дальнейшей нежизнеспособности, о его дальнейшей вероятной утрате воли к жизни. Причем причиной своих несчастий, несчастий своей семьи, смерти жены и болезни сына является он сам. Его душа уродлива, любовь его дает не счастье, а ужасную гнетущую зависимость, приносящую одни страдания. Его любовь деструктивна, эгоистична, – это не созидаящая, а все разрушающая сила.

Созвучно душе Арсения и его жилище, которое является одним из многочисленных построек на территории усадьбы Неповоевых, – это дом, возведенный представителем третьего поколения Неповоевых. Странный, негармоничный дом Арсения Алексеевича похож на него. Интересным является тот факт, что в доме у Павла Алексеевича стояли цветы, принесенные из оранжерей Арсения Алексеевича. «На следующей ступени еще заметнее выраженной “несвободы” находятся оранжереи, где растения, покинувшие родину, приживаются в красивой неволе, подобно экзотической птице в золоченой клетке» [2, с. 104]. Такую искусственную, негармоничную, неестественную «счастливую» жизнь пытается создать своим близким Арсений Алексеевич, заключая их в «золоченую клетку», в которой не может жить вольная птица – человеческая душа.

Брат Арсения Алексеевича Павел Алексеевич безнадежно влюблен в Ксению Викторовну. Он прекрасно понимает, а точнее, чувствует все ее страдания, но не в силах ей помочь. Ведь он точно такой же безвольный, хотя очень добрый и чуткий человек, как и сломленная мужем Ксения Викторовна. Кроме того, Павел Алексеевич – морфинист, у него есть наркотическая зависимость – «впрыскивания», о которых знает вся семья, но ничего не может сделать с ними. Он не может стать хозяином своей судьбы, ему проще страдать, но смириться, плыть по течению, а не бороться с жизненными обстоятельствами для того, чтобы стать счастливым и осчастливить кого-то еще. Павел Алексеевич «незаконно сожительствует с крестьянской девкой» Оксаной, которую не любит. Но из-за своего безволия и тяготения к комфортной жизни без каких-либо усилий, из-за отсутствия ответственности он живет с нелюбимой женщиной, мучая ее, так как любит другую, обращается с ней, «как барин с горничной».

Павла Алексеевича, как и Арсения Алексеевича, прекрасно характеризует дом, в котором он живет. «Он жил в дедовском доме на опушке парка, в самой неказистой из неповоевских усадеб. Отцовский дом в глубине парка занимал летом Вадим пополам с матерью. У них было все подновлено, благоустроено: и мебель хорошая, и цветы из оранжерей Арсения Алексеевича, ковры, пианино, портьеры. Домик же Павла носил отпечаток запустенья. Приземистый, ветхий, с тростниковой крышей когда-то рубленный, а не так давно обложенный, как футляром, желтым кирпичом, – он не имел непроходной комнаты. Весь его беспрепятственно можно было обойти кругом, переходя из одной комнаты в другую. Свет в нем был мрачно-серый, напоминавший тюрьму. Низко нависшие потолки со сводами, старинные оконца, группа перистых белых акаций перед самыми окнами, тяжелая, топорно прочная мебель домашней выделки времен крепостного права. Кто заходил сюда, тому казалось, что здесь живут временно, как на постоялом дворе» [6, с. 407]. Так и вся жизнь Павла Алексеевича, как и его дом, носит «отпечаток запустенья», безразличия к своей жизни, собственной судьбе, хотя при всём этом Павел Алексеевич добрый, чуткий, внимательный, тонко чувствующий и способный любить и жалеть человек. У Павла Алексеевича нет будущего. Он живет прошлым или мечтами, для реализации которых совершенно ничего не предпринимает, он не готов принять действительность, взять на себя ответственность и выстроить свою жизнь. «Он не любил молодого парка с его показной красотой и порядком, называл новый парк вокруг замка – сквером. Павла больше тянуло в старый парк, полный тени и влажности, задумчиво тихий, словно грустящий о чем-то. <...> Тогда реяли вокруг опоэтизированные тени былого, отошедшие в небытие, и так хотелось прислушиваться подольше к тишине или к ночным звукам» [Там же, с. 408]. Усадьба глазами Павла Алексеевича – это тоска по состоянию «счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы», которое так присуще усадебному тексту [7, с. 320].

Еще один представитель семьи Неповоевых, брат Арсения и Павла, Вадим Алексеевич, точно так же, как и Павел Алексеевич, выбрал себе женщину не из своего круга, но, в отличие от Павла, женился на ней. Лариса – «бывшая актриса и поповна», «прекрасивая женщина». Однако и она, выйдя замуж за Неповоева, как и Ксения Викторовна, и Оксана, чувствует себя несчастной. Причину своего несчастья Лариса точно определяет как мезальянс, резюмируя свой разговор с Вадимом Алексеевичем словами своего отца, «из старинных батюшек», которые он говорил ее старшей сестре, собиравшейся замуж за офицера: «Ой, Маша, руби дерево по себе. Нехорошо не по себе рубить. И срубишь, а не потащишь» [6, с. 461]. Вадим Алексеевич любит Ларису, убеждает ее в этом; он счастлив, что жена поддерживает его, разделяет его взгляды на гомеопатию. Но разницу социального статуса, происхождения, воспитания эта любовь преодолеть не может, а значит, не может и осчастливить Ларису, так как она всегда будет чувствовать себя чужой и непонятой: и в Петербурге, и за границей, и в родовом имении, в Неповоевке. У Ларисы и Вадима Алексеевича нет детей, и поэтому у их семьи нет будущего, нет продолжения рода. Вадима Алексеевича прекрасно характеризует его жилище: «Он занял свою половину в отцовском доме. Но так тихо было возле этого дома, что дом и теперь казался необитаемым. Ни детей, ни собак, ни голосов – ничего не слышно. Изредка, подражая Падеревскому, играет Марго Шопена; остерегаясь шуметь, толпятся у бокового крыльчика по утрам больные Вадима Алексеевича, ждущие облегченья от его гомеопатических лекарств. В остальное время дом стоит точно покинутый. Белый, с серыми верандами и серыми жалюзи, одноэтажный, выстроенный покоем, с площадкой и боковыми проездами перед крыльцом, – он больше походит на гранди-

озный памятник, чем на что-то жилое. Цветут заготовленные с весны клумбы перед верандами, открыты двери и окна, зеленеют в вазах по бокам каменных ступеней крыльца столетние, если не старше, исполинские кактусы, мясисто-сочные, словно обсыпанные бело-зеленой пылью. А всё кажется, что в доме никого нет и он лишь прикидывается, что в нем живут люди» [Там же, с. 443–444]. Так и «пресная» жизнь Вадима Алексеевича с Ларисой пройдет бесследно, тихо, незаметно, не оставив после себя следа, как будто бы и не было их никогда.

Маргарита Алексеевна Неповоева, сестра Арсения, Павла и Вадима, официально замужем, но с мужем не живет, детей у нее нет, да еще всю зиму, обманывая семью, «служила на сцене», где столкнулась с неприглядной стороной актерской жизни, которую сама характеризует резко отрицательно. Она сталкивается с безнравственностью, распущенностью той среды, в которой ей по происхождению не следовало бы находиться. Она не выполняет предназначения женщины быть женой и матерью, а значит, никогда не станет продолжательницей дворянского рода, хозяйкой дома, с ней нельзя связать будущее дворянства, так как она слишком «свободна» в своих поступках, что граничит с распущенностью и безнравственностью, недопустимыми как для дворянки, так и для женщины вообще.

Безнравственность и распущенность, легкомыслие – отличительные особенности поведения и образа жизни и матери героев Агриппины Аркадьевны. Будучи богатой женщиной, она не умеет распорядиться своим состоянием, а поэтому «всё идет прахом», ее «особняк бездоходный». Арсений Алексеевич очень верно подмечает в начале повести, что «и мама, и Марго компрометируют себя, сами того не примечая» [Там же, с. 398]. В Неповоевке Агриппина Аркадьевна и Маргарита Алексеевна проводят только лето. Неповоевка для них – не родовое гнездо, не дом в самом высоком смысле, не домашний очаг, а только дача, где они будут жить до той поры, пока не заскучают. Поиск удовольствия, веселья – вот что составляет смысл жизни двух этих женщин.

В повести есть еще представитель рода Неповоевых – «старый эротоман», как называет его Маргарита, – Валерьян Мстиславович, дядя Арсения, Павла, Вадима и Маргариты. Он, как и Агриппина Аркадьевна, не умеет правильно распорядиться имением, все у него «заложено-перезаложено». Нет у него семьи, нет детей, он безнравственен, циничен, язвительен. Точно так же, как и Агриппина Аркадьевна, он молодится, что производит скорее отталкивающее впечатление, так как он только кажется молодым, на самом деле являясь старым и больным человеком. Валерьян Мстиславович болен не только физически, у него больна душа. Духовное уродство дяди, его безнравственность и цинизм как будто влияют и на его внешнюю жизнь, на физическое состояние: он страдает спинной сухоткой, то есть формой позднего нейросифилиса. Духовная инвалидность дяди сочетается и с физической инвалидностью.

Таким образом, В. Н. Цеховская (О. Ольнем) в повести «Династия» остро, подробно, реалистично изображает разложение и гибель одной конкретной дворянской семьи, выражая тем самым предчувствие гибели всего дворянства в будущем. Не случайно повесть заканчивается смертью Ксении и последовавшей за ней на девятый день смертью Павла Алексеевича. Неслучайно и время года: «Осень торопилась на все наложить свой отпечаток. Грустно стало в Неповоевке» [Там же, с. 477]. Осень, связанная с постепенным умиранием природы, наступила не только и в жизни дворян Неповоевых, но и для дворянства вообще.

В. Н. Цеховская (О. Ольнем) не просто подробно изображает процесс вымирания дворянских гнезд, она обстоятельно анализирует причины этого процесса – менее заметные, чем социально-экономические, но, возможно, наиболее суще-

ственные, связанные с внутрисемейными отношениями. Писательница с присущей ей остротой социального восприятия, с убедительной правдивостью попыталась исследовать семейное несчастье, которое скрывается под маской внешнего семейного благополучия, разрушая жизни и «выламывая души» прежде всего женщин. А если страдает женщина, страдает и ребенок, – значит, невозможна счастливая семья, значит, нет и будущего. Холодная объективность, внимание к деталям, глубокий анализ позволяют писательнице выявить глубинные, скрытые причины вырождения дворянства: безнравственность, безволие, бездуховность – «внутреннее обезчеловечивание», ведущее к неминуемой гибели «дворянских гнезд» вместе с их обитателями.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 304 с.
3. Звоняцкий В.Я., Панич А.О. «У Лукоморья дуб зеленый...» // Чеховиана. «Три сестры» – 100 лет. М.: Наука, 2002. С. 82–100.
4. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М.: Традиция, 1997. 320 с.
5. Текст пространства: материалы к словарю / Авт.-сост. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
6. Только час: проза русских писательниц конца XIX – начала XX века / Сост. В. Ученова. М.: Современник, 1988. 592 с.
7. Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.

THE FATE OF THE MANOR IN V. TSEKHOVSKAYA'S (O. OLNEM'S) STORY "DYNASTY"

T. S. Myasnickova

Tver State Medical University
the Department of foreign languages and Latin

The author analyzes the image of the Russian manor in V. Tsekhovskaya's (O. Olnem's) story "Dynasty". The article focuses on the features of the manor description, dwells on the ideas of nobility and causes of its degeneration as they are described in V. Tsekhovskaya's (O. Olnem's) works.

Keywords: *manor, home, family, V. Tsekhovskaya (O. Olnem).*

Об авторе:

МЯСНИКОВА Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных и латинского языков Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: tanya_mak_1987@mail.ru.

About the author:

MYASNIKOVA Tatyana Sergeevna – senior Lecturer of the Department of foreign languages and Latin, Tver State Medical University (170100, Tver, Soviet str., 4), e-mail: tanya_mak_1987@mail.ru.